

18+

СЕГА САШИН

КАМЧАТСКИЙ КХЭВУ

РОМАН

СНЕГ ПОМНИТ.
СНЕГ НЕ ПРОЩАЕТ.
СНЕГ ЖДЁТ.

18+

Сева Сашин
Камчатский Кхэву.
Современная проза/
Психологическая драма

<https://litres.ru/74218569>

ISBN 9785007035675

Аннотация

Десятилетний Миша выживает в авиакатастрофе на Камчатке. Старик-коряк Айныг вытаскивает его из снега, даёт новое имя — Хар, Волчонок — и обучает древнему искусству кхэву: убивать мгновенно, касанием, до того, как жертва успеет испугаться. В девятнадцать Хар возвращается в мир людей. Город встречает его подпольными боями без правил, деньгами и грязью. Но чем больше он побеждает, тем яснее понимает: кхэву — умение не убивать, когда можешь. И возвращаться домой, даже если дома уже никто не ждёт.

Содержание

«Камчатский кхэву»	5
Пролог. Снег помнит	6
Часть первая. Тундра	10
Глава 1. Балок	10
Глава 2. Айныг. Прошное	13
Глава 3. Шаг касатки	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Камчатский Кхэву Современная проза/ Психологическая драма

Сега Сашин

Дизайнер обложки Сергей Юрьевич Гурьянов

© Сега Сашин, 2026

© Сергей Юрьевич Гурьянов, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-3567-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Камчатский кхэву»

Роман

18+

Данное произведение содержит сцены насилия, жестокости, убийств, а также нецензурную лексику (в диалогах). Рекомендуется для читателей старше 18 лет.

Внимание!

Все персонажи, организации и события романа являются вымышленными, за исключением реальных географических названий и отдельных исторических имён, использованных как художественный фон. Особо отмечаю: описанное в романе боевое искусство «кхэву», техники «шаг касатки», «медвежье объятие», «поцелуй в колено» и персонаж Такэути с его тетрадю полностью выдуманы и не являются частью реальных традиций коренных народов Камчатки.

Пролог. Снег помнит

Мише казалось, вертолёт падал три минуты.

Миша запомнил не взрыв. Лицо мужика справа. Красное, с вытаращенными глазами. Мужик что-то кричал — Миша не слышал. Звук умер за секунду до удара. Осталась только тишина. И лицо. Мокрое, с открытым ртом.

Потом — снег.

Он очнулся в дыму. Вертолёт лежал на боку, лопасти воткнулись в сопку как ножи в масло. Вокруг — обломки, железо, тишина. Ни криков. Ни стонов. Только шипение пара из труб.

Шёл 2004 год. Мише было девять. Но об этом он вспомнит позже — в другой жизни.

Миша полз.

Не помнил, как. Не помнил, сколько. Снег хрустел под ним — сухой, старый, как кость. Левая нога не слушалась. В ней жила боль — тупая, как гул моторолки. Он ещё не знал, что это трещина в малой берцовой. Он просто чувствовал, как кость трётся о кость.

«Главное — не бояться».

Голос отца. Откуда-то из детства, из другой жизни. Отец пах табаком и бензином. Умел чинить любой двигатель. И всегда говорил одну и ту же фразу перед тем, как завести мотор.

«Главное — не бояться, Миша».

Отец лежал там, в обломках. Миша знал это кожей. Но не обернулся.

Он полз.

Тепло поднималось от вулкана — где-то рядом, невидимый, дышал паром прямо сквозь снег. Миша закрывал глаза, и ему казалось, что он лежит на печи. Тёплой, большой, деревенской. Бабушкиной. Которой никогда не было.

Он уже засыпал, когда снег захрустел по-другому.

Шаги. Не быстрые, не тяжёлые. Скользящие. Как будто кто-то шёл по льду босиком.

— Эй, малой.

Голос хриплый, сухой. Пахнет дымом и рыбой.

Миша поднял голову. Над ним стоял старик.

Коряк. Маленький, кривоногий, в оленьей кухлянке до колен. Рукавицы — огромные, лохматые, как лапы медведя. Глаза — чёрные, почти без белка.

— Живой? — спросил старик.

— Не... знаю.

— Живой, — старик усмехнулся и присел на корточки. Быстро, легко — будто его коленям не было семьдесят лет. — Я Айныг. А ты кто?

— Миша.

— Нет, — старик покачал головой. — Миша там, в железе. А ты — Хар. Волчонок. Будет тебе имя.

2004 год от Рождества Христова старик не признавал. Для

него год был оленьим, снежным, голодным. Но Миша запомнил дату потом — когда нашёл в кармане куртки отцовский табель-календарь.

Старик подхватил его, как куль. Перекинул через плечо. Пошёл.

Миша запомнил запах. Дым. Рыба. Старая кожа. И ровное, спокойное дыхание — будто на плече у Айныга не тридцать килограммов ребёнка, а пустота.

«Главное — не бояться».

Миша закрыл глаза.

И провалился в темноту.

Позже, много лет спустя, он узнает: вертолёт искали шесть суток. Поисковики нашли обломки, тела, детскую куртку в крови и следы, которые пурга уже съела. В бумагах Миша прошёл как погибший без тела. У матери осталась справка, фотография и пустая могила рядом с чужими фамилиями.

Айныг видел поисковый вертолёт из-за сопки. Стоял в снегу, держа на руках мальчика, который бредил и звал отца. Старик не вышел. Потом сорок раз говорил себе, что тундра сама выбрала. И сорок раз не верил до конца.

Потом он много раз будет вспоминать эту минуту и каждый раз помнить её по-разному. То ему казалось, что он уже сделал шаг к вертолёту. То — что стоял как вкопанный и только слушал, как Миша хрипит у него на руках.

Мальчик был горячий от жара, лёгкий, будто из него уже вышла половина жизни. Пальцы цеплялись за край кухлянки

и отпускали. Во сне он звал отца. Не Айныга. Отца.

Старик тогда сказал себе: «Если отдам — умрёт». Потом, через годы, понял: сказал не всю правду. Если бы отдал, умер бы не мальчик. Умер бы Хар, которого он ждал сорок лет.

С этого началась его вина.

Часть первая. Тундра

Глава 1. Балок

Балок стоял у озера.

Геологи бросили его ещё в семидесятых — вагончик на полозьях, с железной печкой-буржуйкой и окном, заклеенным скотчем крест-накрест. В углу — деревянный стол из досок от ящиков, две табуретки, полка с берестяными коробками. Рядом — сопки, кедровый стланик, ближайшее жильё за дневной дорогой. Только ветер. Только снег. Только тишина — такая густая, что давила на уши.

Айныг нёс Мишу до балка полтора часа. Шёл неспешно, не сбивая дыхания. Миша висел на его плече, смотрел на снег, на сопки, на чёрные точки оленей вдалеке. И не чувствовал ни холода, ни боли. Только пустоту внутри.

В балке было темно и тесно.

Айныг положил его на шкуры, зажёг печку. Огонь плевался искрами, дым ел глаза. Старик молчал — долго, так долго, что Миша начинал думать, что уснул. Потом заговорил. — Нога. Показывай.

Миша вытянул левую. Айныг провёл по ней рукавицей — легко, почти не касаясь. Остановился на голени.

— Трещина, — сказал он. — И ушиб. Кость цела, но бо-

леть будет всегда. Учить будешь — не бросишь.

— Чему учить?

Айныг не ответил. Достал из угла берестяную коробку, вытащил травы, жир, какие-то корни. Замесил мазь в глиняной плошке. Пахло горелым, сладким и ещё чем-то звериным.

— Лежать будешь, — сказал он. — Три месяца. Потом встанешь. Потом пойдёшь. Потом победишь.

— Кого победить?

— Себя.

Айныг наложил мазь на ногу, обмотал тряпками, сверху примотал шину из лиственницы. Работал быстро, молча, привычно. Миша смотрел на его руки — кривые пальцы, вздутые суставы, грубая кожа. Руки старого зверя.

— Айныг, — спросил Миша. — Мой отец?

— Умер.

— Ты видел?

— Видел. Рядом с пилотом. Голову сломал.

— Почему ты его не похоронил?

Айныг поднял голову. Чёрные глаза остановились на нём. В них не было ни боли, ни жалости. Только спокойная, древняя усталость.

— Земля сама примет, — сказал он. — Не наша работа хоронить. Наша работа — жить. Ты запомни, Хар. Жить должен. За себя. За отца. За тех, кто не встал.

— А ты?

— А я уже пожил. Моя работа — тебя научить.

— Чему?

Айныг усмехнулся. Встал с колен — мягко, бесшумно, как зверь. Сделал шаг — и вдруг исчез из поля зрения Миши. Оказался сбоку, касаясь рукавицей его шеи.

Миша даже не вздрогнул.

— Этому, — сказал Айныг, возвращаясь на место. — Искусству быть незаметным. Искусству заканчивать бой до того, как он начался. Кхэву.

— Кхэву?

— Так дед называл. «Под корень». Намертво. Молча. Это не драка, Хар. Это жизнь.

Миша закрыл глаза. Печка гудела. Ветер за окном выл на одной ноте. Где-то далеко, за сопками, лежал его отец в груде мёртвого железа. И Миша не плакал. Слёз не было. Была только боль в ноге — тупая, ровная, как пульс земли.

Он уснул под песню Айныга. Старик пел на корякском — долго, тягуче, как ветер. Слова были чужими, но Миша понимал их кожей: «Снег помнит всё. Снег не прощает. Снег ждёт».

Глава 2. Айныг. Прошлое

Миша спал. Айныг сидел у печки и глядел в огонь.

Он вспоминал. Не потому, что хотел. Просто огонь всегда включал память.

1963 год. Айныгу двадцать пять. Он ещё не старик, он охотник, у него жена и сын. Его дед — последний, кто помнит старый стиль. Кхэву передавали от деда к внуку, втайне, ночью, в балках без окон.

— Имя своё помнишь? — спросил дед тогда.

— Айныг.

— Нет. Ты — Хар. Волчонок. Все наши — Хар. Пока стиль жив — мы живы.

Дед учил его три года. Айныг был быстрым, злым, голодным. Он взял первого оленя в четырнадцать — без ножа, одним точным движением. Дед кивнул: «Теперь ты понял».

А потом пришли люди.

Сначала пришли геологи. Потом вертолёты. Потом водка — не как напиток, а как болезнь, которую люди передавали из рук в руки.

Жена ушла не сразу. Сначала чаще задерживалась в посёлке, приносила чужой запах — мыло, керосин, табак не его. Потом сказала: «Там тепло». И ушла к русскому.

Сын вернулся из школы-интерната уже не совсем его сыном. Смеялся над старым языком, стеснялся кухлянки, но

ночью всё равно прижимался к печке, как маленький. Айныг всё откладывал: завтра покажу стойку, завтра расскажу про Хар.

Пурга забрала его раньше. Айныг нашёл сына на третьи сутки. Тот сидел под кедровым стлаником, укрывшись рюкзаком. Глаза открытые, синие-синие.

Последний раз, когда сын приезжал на каникулы, он привёз с собой школьную тетрадь и чужие слова. Писал по-русски ровно, красиво, а имя своё на старом языке вывел криво, будто стыдился букв. Айныг смотрел и молчал.

— Там нас учат нормально жить, — сказал сын. — Не как здесь.

Айныг хотел ударить его. Не сильно — по губам, чтобы чужое слово выпало. Но не ударил. Только вышел из балка и долго стоял у оленей, пока мороз не схватил ресницы.

Ночью сын всё равно лёг ближе к печке. Во сне поджал колени, как маленький. Айныг сидел рядом и думал: завтра. Завтра покажу ему низкую стойку. Завтра расскажу, почему все наши — Хар.

Утром сын ушёл к людям. А завтра больше не наступило. Дед к тому времени умер. Айныг остался один. Ушёл в тундру, подальше от людей. Забрал оленей, балок, нож кыкыль и тетрадь, которую дед называл тетрадьёу Такэути. Был ли японец таким, каким его помнили старики, Айныг не знал. Но тетрадь была настоящей: жёлтые страницы, чужой почерк, рисунки суставов.

Айныг ждал сорок лет. Знал — придёт кто-то. Не его сын. Чужой. Но Хар. Волчонок.

И дождался.

Он посмотрел на спящего Мишу. Тот вздрагивал во сне. Снился вертолёт.

— Спи, — сказал Айныг. — Учиться будешь завтра.

Он подкинул дров в печку. Огонь вздохнул, лизнул за-
слонку.

Старик закрыл глаза. Ему снился дед. Дед улыбался и кивал.

Глава 3. Шаг касатки

Нога заживала медленно.

Три месяца Миша лежал на шкурах, смотрел в щели между брёвнами и учился слушать тишину. Тишина здесь была не пустой. В ней жили звуки: как снежинки ударяются о железную крышу, как ветер облизывает стены, как дрова в печке стонут перед тем, как прогореть.

Айныг приходил два раза в день. Утром — менял повязку, растирал ногу мазью, поил горьким отваром из корней. Вечером — садился напротив, на корточки, и молчал. Молчал долго, так что Миша начинал думать, что старик уснул с открытыми глазами.

— Айныг, — позвал он однажды. — Зачем ты меня спас? Старик поднял голову. Чёрные глаза блеснули в свете печки.

— А ты хотел умереть?

— Не знаю.

— Не умирай, — сказал Айныг. — Плохая привычка. Раз — и всё. А жить — трудно. Жить — это каждый день выбирать.

— Что выбирать?

— Остаться или уйти. Поверить или нет. Ударить или не ударить.

Миша замолчал. Ему было девять. Он не понимал этих

слов.

Но запомнил их спиной.

Иногда Айныг учил его не движениям, а названиям. Показывал на огонь — Миша повторял. На снег. На нож. На оленя, который проходил мимо окна тёмным пятном. Слова были грубые, короткие, будто их тоже вырубили из кости.

— Зачем мне это? — спрашивал Миша.

— Чтобы тундра знала, как тебя звать.

Миша не верил. Но повторял. Ему нравилось, что слова не требовали ответа. Их можно было держать во рту, как тёплый камень.

О матери он спрашивал редко. Не потому, что забыл. Просто всякий раз, когда произносил «мама», в балке становилось тесно. Айныг отворачивался к печке, и Миша понимал: там тоже что-то болит.

Когда Миша впервые встал, нога заныла — тупо, настойчиво, как старый пёс, который просится на улицу.

— Будет болеть всегда, — сказал Айныг, глядя на его кривую стойку. — Но если сделаешь, как я говорю, — не заметишь.

— Что делать?

Айныг вышел из балка. Сделал три шага по снегу — и замер.

Странно замер. Не как человек. Пятки оторваны от земли, колени согнуты, спина прямая. Руки в рукавицах висят

свободно, но Миша вдруг понял: эти руки могут убить быстрее, чем он успеет моргнуть.

— Повторяй, — сказал Айныг.

Миша вышел на снег. Встал, как Айныг. И сразу упал.

Снег хрустнул под ним, как старая кость.

— Вставай.

Он встал. Сделал шаг. Упал снова.

— Вставай.

Двадцать семь раз он падал на снег. Двадцать семь раз Айныг стоял рядом, не помогая, не подбадривая. Просто смотрел чёрными глазами и молчал. На двадцать восьмой раз Миша сделал шаг — и не упал.

Он не понял, что изменилось. Но вдруг почувствовал землю. Не ногами — всем телом. Как будто вырос из снега корнями, как тот кедровый стланик на сопке.

Айныг кивнул.

— Шаг касатки, — сказал он. — Касатка подо льдом не видит, куда плывёт. Она чувствует. Током. Вибром. Плечом. И ты чувствуй.

— Айныг, а зачем мне это?

Старик посмотрел на него долго. Потом сказал:

— Чтобы жить, Хар. В тундре нет судей. Нет правил. Нет перерывов. Есть ты, враг, пурга и два метра видимости. Кто сделал шаг первым — тот и живой.

Он развернулся и ушёл в балок.

Миша остался на снегу. Нога тянула вниз. Но он стоял в

стойке — пятки от земли, колени согнуты — и чувствовал, как тундра течёт под ним, как большая холодная река.

С этого дня Айныг перестал жалеть его окончательно.

Утром — стойка. Днём — снег. Вечером — тетрадь, которую старик ещё не давал читать, но уже доставал из-за пазухи и держал на коленях, словно грел. Миша видел потёртую клеёнку, жёлтые края страниц, чужие знаки на полях.

— Там всё написано? — спросил он.

— Нет, — сказал Айныг. — Если бы всё можно было написать, люди бы давно стали умными.

Миша засмеялся — впервые после вертолёта. Смех вышел хриплый, чужой. Айныг не улыбнулся, но положил в печку лишнее полено.

Глава 4. Зима, когда Миша чуть не погиб

Ему было одиннадцать.

Пурга началась внезапно — как это бывает на Камчатке: минуту назад солнце, и вот уже не видно вытянутой руки. Айныг ушёл проверять оленей. Сказал: «Сиди в балке, ни шагу».

Миша сидел час. Потом услышал — за балком кто-то скулит. Собака? Волчонок? Он надел кухлянку, вышел.

Никого не было. Только снег, ветер, белая муть.

Он сделал пять шагов. Десять. Балок исчез.

Тут его и накрыло.

Он не помнил, как заблудился. Помнил только холод — не снаружи, а внутри. Как будто кто-то вынул из него всё

тёплое и залил льдом. Он шёл, падал, вставал. Шёл по кругу — видел следы собственных ног.

Нога заныла. Старая трещина отозвалась тупой, ноющей болью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.